

*Автор благодарит
Валентина Филиппова
и Азамата Тхакахова
за помощь в работе над книгой*

Глава 1

«**Н**енавижу заказуху». Катька с ожесточением постучала карандашом по столу и тут же обернулась: не разбудила ли Игоря стуком? Нет, спит. В их небольшой студии даже не спрячешься: одна комната да кухня, все заставлено, забито, хорошо хоть свет нормальный. Художнику без света просто погибель. И без пространства. Катька ужималась как могла, однако ее не покидало ощущение, что она живет на складе. Конечно, дед не раз предлагал переехать обратно к нему, но та скорее была готова отгрызть себе локоть, чем пойти на его условия. Слишком много их, условий этих. Одно вон похрапывает на крова-

ти. Катька завистливо вздохнула: в отличие от Игоря, у которого сегодня выходной, ей предстояло весь день работать над срочным проектом. У заказчика горели сроки, и завтра, в понедельник, надо кровь из носу сдать пятнадцать иллюстраций. А готово — шесть.

«Ненавижу. Ненавижу. Что бы придумать?»

Иллюстрации предназначались для книжки о тайм-менеджменте. Автор с гордым именем Борислав Соколов рассказывал всем, кто готов прочесть и узреть свет истины, как жить правильно, так, чтобы успевать миллион дел, лежа на пляже. Катька успешно одолела рисунок к разделу о прокрастинации, так как знакома с этим явлением была не понаслышке, и форзац, но вот глава о делегировании не поддавалась никак. В голове роились банальности: седой сенсей раздает указания смиренно внимающим ученикам, люди в деловых костюмах стоят на кусочках пиццы, начальник указывает подчиненным, куда ставить элементы гигантского пазла... Все уже тысячу

раз повторено, облизано и отрисовано. Не ею. А Катьке хотелось свеженького, искристого, как охлажденное шампанское. Чтобы шибало в нос и в душу.

— А-ы-ы-ы, — негромко провыла Катька, утыкаясь носом в ладони, и потом тихонько побилась лбом об стол. Иногда это помогало. Но сегодня не тот день. Когда она проснулась — три, четыре часа назад? И с тех пор сидит и мучается, кучу бумаги уже извела.

Может, пойти прогуляться? Или в кафе... Выпить кофе и сок, сменить обстановку. Наверное, «Одуванчик» уже открыт, они ранние пташки. Любимый столик, огромная чашка капучино, рисунок на пенке от бармена Сережи — составляющие успеха. Да, решено. Игоря будить бесполезно, он в выходные спит до полудня, а значит, можно бежать прямо сейчас.

Катька покидала в рюкзак скетчбуки, карандаши, кошелек и мобильник, наскоро причесалась (можно и не краситься — в «Одуванчике» ее видали всякой, в том числе с жесточай-

шего похмелья), влезла в короткие джинсовые шорты с бахромой (дед говорил — акулы обкусали), в первую попавшуюся майку и на цыпочках вышла в коридор. У входной двери были слышны залиvistый лай соседской шавки, громкие голоса детей и музыка из чьего-то радио. Несмотря на ранний час, старый дом жил активной жизнью.

Пожалуй, Катьке это даже нравилось, хотя иногда и приходилось просыпаться в неурочный час от омерзительного звука дрели или пьяных выкриков под окном. Зато нескучно. Катька во всю ширину своей творческой души ненавидела новые вылизанные дома, где соседи здороваются друг с другом, а собак держат исключительно породистых, улыбающихся во всю пасть. Такие стерильные жилища — дом настоящей тоски, могила для творчества. Как, скажите на милость, видеть настоящую жизнь, если лестница твоя пахнет шампунем, на окнах стоят горшки с цветами, а на входе в подъезд сидит убийственно вежливый консьерж? А вот если на стенах граффити, на полу бычки,

а пахнет отнюдь не розами, тут-то да. Тут просматривается бунт, достойный любой творческой души.

Дедов дом — некоторое исключение из списка выхолощенного жилья, но и он, и он проигрывает атмосфере старого, еще советского жилого фонда!

Спускаясь бегом по лестнице, Катька едва не наступила на тощего кота. Кому он принадлежал, до сих пор оставалось загадкой, — то ли склеротичной старухе Павловне с третьего, то ли алкоголику дяде Мише со второго, неизвестно. И как звать кота на самом деле, тоже никто не знал. Кликали то Барсиком, то Кузей, а то и вообще Ферапонтом — это старый учитель придумал, живший этажом ниже Катьки. Почему-то имя Ферапонт шло коту больше всего: имелось в животном некое внутреннее достоинство, отрицавшее истинность Барсика и Кузи. Кота подкармливали все кому не лень, а он периодически таскал из подвала задушенных крыс и аккуратно выкладывал рядком у подъезда, к великому возмущению дворничихи тети Вали.

— Извини, — покаялась перед котом Катька и, присев, погладила его плешивую голову. Кот коротко мявкнул. — Чуть не сбила тебя. Ты не пропадай, Ферапонт. Я тебе потом сайры дам. Будешь сайру?

Кот благосклонным мурлыканьем обозначил, что сайру, несомненно, будет.

— Ты не знаешь, как нарисовать делегирование? — задумчиво спросила у животного Катька. Кот урчал, терся об ее коленки. — Нет, не знаешь. Ладно. Смотри, веди себя хорошо. Позже увидимся.

У каждого художника обязательно должно быть «свое» кафе, где можно творить, придумывать, встречаться с единомышленниками или даже устраивать жаркие дебаты. Как, например, парижское кафе «Гербуа» у Эдуара Мане или римское «Греко» у Брюллова и Кипренского. В ресторанчиках особая атмосфера: вечная текучка, множество новых лиц, кухонный чад, хлопающие двери... Когда Катька раньше задумывалась о таком вот своем месте, то представляла себе Монмартр, где однажды

побывала с дедом, и тамошние небольшие уютные заведения, пахнущие розмарином, и тонкие винные бокалы, и приглушенный свет.

На деле же у Катьки был «Одуванчик».

Любимое кафе художника должно называться как-то иначе. «Этуаль», например. Или «Английский клуб» — это для приверженцев классики. Но не «Одуванчик», где ожидаешь увидеть толпы мамаш с детьми и зашедших почитать газетку пенсионеров. Впрочем, пенсионеры с газетками — это тоже французские штучки, наши-то, постсоветские, таких изысков позволить себе не могут. В «Одуванчике» должны собираться глупо хихикающие малолетки, кривляющиеся в «Тик-Токе», или офисные крысы, а никак не художники.

Да и внешностью кафе на творческое место совсем не походило. Бесстыдно-светлое, словно вывернутое нутром для всех, немного безликое, будто каждый должен принести изюминку в интерьер вместе с собой, а не встречать ее тут, на месте. Уйдешь — и вспомнить нечего.

Так было, пока в «Одуванчик» не заявила Катька.

Несмотря на то что кафе располагалось неподалеку от ее дома, она там до определенного момента ни разу не бывала, пробегала мимо. Взгляду не за что зацепиться, он и не цеплялся. Но в прошлом году Катьку по дороге домой накрыл такой осенний ливень, что пришлось срочно искать крышу над головой.

Тогда Катька ввалилась в «Одуванчик», некоторое время стояла на пороге, в прямом смысле обтекая, а потом негромко и отчаянно сказала:

— Ужас какой.

Безликость подобных заведений действовала на Катьку как таблетка депрессанта. Это она в десять лет придумала: если бывают антидепрессанты, то и депрессанты должны быть. Серенькие такие, неприметные таблетки; их принимают, чтобы не выделяться. Их прописывают тем, кто боится менять жизнь, самовыражаться, творить. Хочешь до пенсии жить в хомячьем колесе тупого существова-

ния? Выпей депрессант, и это не будет тебя парить.

Дед тогда громко хохотал над ее придумкой и с удовольствием рассказывал компании, которая собиралась у него по субботам. Изысканные тетеньки и громогласные дяденьки хвалили Катьку за креатив, и девчонка млела.

О депрессантах Катька тогда владельцу «Одуванчика» и рассказала. Иван был сыном среднесостоятельных родителей, после института не знал, чем развлечься, и ему подарили кафе. В основном Иван там посиживал, гоня на ноутбуке танки или боевых эльфов, и особо не заморачивался успехом свалившегося на голову заведения. Родителям тоже было наплевать. Не в минусах «Одуванчик», и слава богу. За счет расположения — спальный район Ясенево — и невысоких цен заведение, даже такое унылое, имело свою клиентуру, а остальное никого не волновало.

Катька не могла понять: как это — когда не волнует? Что это вообще за жизнь такая? Можно ли ее жизнью называть? Она втолко-